

P2
Л63

БИБЛИОТЕЧКА ИЗБРАННОЙ ЛИРИКИ

МАРК
ЛИСЯНСКИЙ

Библиотечка
избранной
лирики

P2

Л63

Ж-218053-1

МАРК
ЛИСЯНСКИЙ

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
1966

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

P2
Л63

Редакционная коллегия:

И. ГРУДЕВ, Ю. ДРУНИНА,
С. НАРОВЧАТОВ, В. ОСИПОВ,
Б. РУЧЬЕВ, Я. СМЕЛЯКОВ,
Н. ТИХОНОВ, Вас. ФЕДОРОВ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Иные стихи читать легко, иные, часто и очень хорошие, читать трудно. Стихи Марка Лисянского читать интересно. О самых, казалось бы, простых, общеизвестных вещах он умеет сказать нечто новое, повествует ли он о черноморском юге, о своем Николаеве, где он подростком работал в меднокотельном цехе на верфях судостроительного завода, или рассказывает о войне, которую он прошел как сапер и поэт, или вспоминает о своем отце, грузчике, который знал, что такое работа.

Так работал, что в глазах плясало
И пересыхало все во рту.
Но зато раз в сутки ел он сало
С житняком. И тут же спал, в порту.

Он трудился до седьмого пота,
Не жалел здоровья своего.
Нет, не годы — адская работа
Раньше срока сгорбила его.

Он обиделся на жизнь чертовски
И грозил кому-то кулаком...
Мне всегда казался горб отцовский
Затвердевшим на плечах мешком.

Лирика Лисянского выразительна и убедительна. Лисянский, как настоящий художник, всегда недо-

вольный тем, что он сделал, стремится «плыть к неприступным берегам» поэзии. В одном из своих стихотворений поэт говорит:

Ах, эти рифмы, эти рифмы!..
Они в преддверии строки
То неожиданные рифы,
То путевые огоньки.
Когда насквозь, до основанья,
Пронзит волну небесный свет,
Клянусь: до их существованья
Мне никакого дела нет.

И хотя Лисянскому нет «никакого дела» до рифм, его стихи находят отклик в сердцах и умах. Рядом со стихами поэта по праву живут его песни. Без преувеличения можно сказать, что многие песни Лисянского стали настолько любимыми и популярными, что воспринимаются как народные. Кто не знает, например, таких песенных строк, как «Я по свету немало хаживал», «Тогда лишь становится город героем, когда стал героем солдат», «Осенние листья шумят и шумят в саду», «Когда поют солдаты, спокойно дети спят».

Эта редкая популярность объясняется тем, что Марку Лисянскому ясна одна простая и высокая истина — поэзия.

Не пост, не чин и не профессия, —
Она превыше всяких благ.
И потому она — Поэзия,
Все лучшее зовется так.

Леонид Мартынов

РОДИНА

Долгожданный берег вырастает,
Отгремели дальние моря,
Здравствуй,
Опаленная, святая,
Родина прекрасная моя!
Ты была безбрежным океаном,
Тихой, с детства памятной рекой,
Лермонтовским парусом в тумане,
Пушкинскую избранной строкой.
Ты была простором и раздольем,
Сказочной избушкой на юру,
Теплым запахом ржаного поля,
Пионерским горном поутру.
Ты была мечтою неустанной,
Явью наших самых светлых снов,
Золотым покоем Левитана,
Песнею Чайковского без слов.
Девушкой, единственной на свете,
С золотистой русою косою,
В тонком платье солнечного цвета
На лугу, обрызганном росой.
Материнским домом за оградой
(Пусть туда заглянешь раз в году!),

Старым чеховским вишневым садом,
Горьковскою бурей в том саду.
Украинской песней,
Русской сказкой,
Волгой — легендарною рекой,
Белоснежной шапкою кавказской,
Вековой сибирскою тайгой.
Ты была для нас насущным хлебом,
Воздухом,
Лучом,
Звездой во мгле,
Незакатною зарею в небе
И небесным светом на земле.
Ты была березкой белоствольной,
Негасимым дальним огоньком,
Неоглядной степью,
Птицей вольной,
Знаменем гвардейским над полком.
Ты была заводом многотрубным,
Стройкой на пустынном берегу,
Ты была окопом неприступным,
Высотой, не отданной врагу.
Вечною, нетленною красою,
Мужеством бессмертным и живым —
Тоненькою девочкою Зоей,
Юношей Олегом Кошевым.
В трудный час для мира и свободы
Ты была источником тепла,
Матерью была для всех народов,
Родиную Ленина была!
Родина!
Не узкою полоской —

Ты встаешь державой мировой,
Паспортом, который Маяковский
Поднял высоко над головой.
Все твои богатства и просторы,
Всех живых и мертвых имена,
Все леса, равнины, реки, горы
Уместились в сердце у меня.
...Мальчиком я в сказку шел

из сказки,

В скороходах — из страны в страну.
Юношей я в сапогах солдатских
Исходил весь мир
В одну войну.
Я видал все царства-государства,
Я прошел все земли и моря,
Чтоб сказать тебе сегодня:
— Здравствуй,
Родина прекрасная моя!

МОЛОДОСТЬ

В окопе,
Глядя в полутьму,
Где рядом гибель рыскала,
Я лейтенанту одному
Читал стихи Багрицкого.
О том, как в сабельный поход
Нас всех водила молодость,
О том, как на кронштадтский лед
Нас всех бросала молодость.
И мчался я сквозь ночь

Вослед
Мечте — победной вестнице,
И было мне семнадцать лет
В любом году и месяце.
И было мне светло идти
Во тьму любого города.
Прокладывала нам пути
Немеркнущая молодость.
Я шел по взорванным камням
Одессы, Николаева...
Поэт не умер, если к нам
Доносятся слова его.
Мы в город с трех сторон вошли,
Бил ветер с моря близкого
Во все колокола земли...
А я читал Багрицкого.
И мне казалось: он живет
В просторном этом городе,
Где шел он в сабельный поход,
Где начиналась молодость,
Где ветер свищет в парусах
Над волнами, над мысами...
Как мало книг он написал!
Как много в них написано!

* * *

Меня на войне не убили,
Я вышел живым из огня.
Казацкою шашкой рубили
И ставили к стенке меня.

Да мало ли есть незабытых,
Жестоких и тяжких обид!..
Четырнадцать стран знаменитых
Хотели, чтоб я был убит.

Вдали от любимого дела
Не раз я шагал на войну.
Кулацкая пуля летела
В мою молодую весну.

Да мало ли есть незабытых
Печальных и горьких утрат!..
Ведь это же друг мой убитый
Тот всем неизвестный солдат.

Узнал я и боль и усталость,
Я был молодым и седым,
Но то, что святым мне казалось,
Не зря мне казалось святым.

Мне сердце порой разрывали
На тысячу мелких частей,
Врагами друзей называли,
Моих безупречных друзей!

Я в мрак погружался могильный,
Я замертво падал в траву,
А все же, упрямый, стожильный,
Живу я на свете, живу!

АВГУСТ

По птичьей грусти,
По заре,
По редкостным приметам —
Еще не осень на дворе
И все-таки не лето.

Неслышно ветер подошел,
Улегся возле окон.
Химическим карандашом
Очерчен лес далекий.

И, прибавляя дни к годам,
Закаты и рассветы,
Проходит август по садам —
Последний месяц лета.

День, два —
И осень тут как тут.
Густеет тень ночная.
Один окончил институт,
Другой лишь начинает.

И мы теперь не верим снам,
Яснее время слышим.
Не дети мы, и нам...
И нам
Давно уж тридцать с лишним.

А сквозь прозрачное стекло
Струится луч веселый,

И так легко,
И так светло,
Как будто завтра в школу.

ОТЕЦ

Жили мы на юге Украины,
В солнечном, зеленом городке,
Где акаций снежные вершины,
Где белеет парус на реке.

Мой отец — простой портовый
грузчик —
Двадцать девять лет таскал мешки,
Шириною плеч его могучих
Любовались даже моряки.

Элеватор у воды бессонной!
На заре отец шагал сюда
Разгружать товарные вагоны,
Нагружать торговые суда.

Он работал, силою играя,
И бывало, со своим мешком
Ночью шел, покинув Николаев,
В города соседние пешком.

Знал в Одессе, кто бывал у моря,
А в Херсоне — каждый паренек
Грузчика Лисянского, который
Поднимал, как перышко, мешок.

По отвесной лесенке портовой,
Узкой, шаткой, он поклажу нес,
И лежал мешок восьмипудовый
Неподвижно, будто в плечи врос.

Счастья не просил отец у бога,
Не пытал и не молил судьбу.
Правда, верил, да и то немного,
В куль, лежащий на его горбу.

Так работал, что в глазах плясало
И пересыхало все во рту.
Но зато раз в сутки ел он сало
С житняком. И тут же спал, в порту.

Он трудился до седьмого пота,
Не жалел здоровья своего.
Нет, не годы — адская работа
Раньше срока сгорбила его.

Он обиделся на жизнь чертовски
И грозил кому-то кулаком...
Мне всегда казался горб отцовский
Затвердевшим на плечах мешком.

А когда у нас в порту набатом
Прозвучал «Авроры» грозный залп,
Мой отец ушел на фронт солдатом,
Ленину служить, как он сказал.

Жизнь его цветами не встречала,
До всего дошел своим путем.
Он поверил в Ленина сначала,
А в себя поверил он потом.

С докладом шел к рабочим
И говорил, что выспится потом.

Он жил у дальних гор,
У безымянных рек
В сердцах людей
Всех стран и поколений.
И кажется, один лишь человек
Не замечал той славы...
Это — Ленин.

САША КУЗНЕЦОВ

В Полтаве,
В сквере городском,
В зеленом тихом пламени,
Под нарисованным флажком,
Как под гвардейским знаменем,
Под легендарною звездой
В цветах могила братская:
Лежит в ней воин молодой,
В ней спит судьба солдатская
В кругу товарищей-бойцов,
Чей путь оборван бомбою...
Мой друг, мой Саша Кузнецов,
Прости вину огромную,
Мою вину перед тобой
За то, что на свидание
Иду протоптанной тропой —
И нет мне оправдания!
За то, что я стою впервой
Пред этою могилою...

И слышу добрый голос твой:
— Я не прошу — помилую! —
Я вижу черный хохолок,
Глаза улыбкой светятся,
И тает, тает холодок...
— Вот как пришлось нам встретиться!
...Цветы в росе, и оттого
Вокруг простор сверкающий,
А ведь в Полтаве у него,
У Саши, нет товарищей.
Нет ни родных и ни друзей,
Лишь ласточка попутная...
Ограда. Шелест тополей.
В тени скамья уютная.
Тропинки с четырех сторон,
Две женщины с букетами...
Родился, жил, работал он
Вдали от места этого.
Он рос на севере,
В краю,
Где Волга льется сказкою,
А отдал молодость свою
За тишину полтавскую.
Под братским знаменем бойцов,
Что выше всяких почестей,
Мой друг, мой Саша Кузнецов,
Не знает одиночества.
Как будто он вчера уснул
Под тополем торжественным.

Я с благодарностью взглянул
В глаза полтавским женщинам.

НАША ЮНОСТЬ

Сквозь ветры беспокойные,
Сквозь подвиги бессмертные
Шли наши годы стройные,
Шли наши души светлые.
Мы презирали трудности,
Не признавали холода,
Не замечали юности,
Пока мы были молоды.
Пути, вперед летящие,
Вбирали сердцем любящим,
Шли в бой за настоящее,
А жили... жили будущим.
Пора первоначальная,
Заря с зарей встречается,
И наша юность дальняя
Сегодня продолжается.

* * *

Солнце красит за крышею крышу,
Люд рабочий встречает зарю.
— С добрым утром! — внезапно слышу.
— С добрым утром! — в ответ говорю.
Не любитель условных приличий,
Почитаю превыше всего
Этот очень хороший обычай
И придерживаюсь его.
Я, вернувший зарю небосводу,
На войне отстоявший зарю,

Даже в пасмурную погоду
— С добрым утром! — друзьям говорю.
Дорогое приветствие это
Лично связано у меня
С лучезарною кромкой рассвета
И началом рабочего дня.
С ощущением правды горячей,
Наполняющей сердце мое,
С пожеланием редкой удачи
Всем, кто в жизни достоин ее.

НАСТРОЕНИЕ

С чего — не знаю, тем не менее
Светло в глуши моей души.
С утра такое настроение,
Что хоть роман в стихах пиши.

Дождь льет по всем небесным правилам,
Душистый, щедрый, озорной.
Ему земля бока подставила
И не считается со мной.

А я иду, дышу, и радуюсь,
И гром и дождь благодарю,
И верю, что жар-птицу — радугу
Поймаю, людям подарю.

Она строптивая и шустрая,
Не надо ей земных сетей...

Я счастлив даже от предчувствия
Большого счастья для людей.

В душе такое настроение,
Что нипочем ни гром, ни дождь,
Как будто улицей весеннею
К любимой женщине идешь.

* * *

Друг нам дороже брата иногда.
Да что там иногда!..
Дороже брата.
Об этом хорошо спросить солдата,
Который брал когда-то города.

Наверное, не трудно догадаться,
Что скажет вам в ответ такой солдат.
Брат может другом вдруг не оказаться,
Зато уж друг — он непременно брат.

А нас учили близких всех любить.
Ну как тут быть?
А надо быть солдатом.
Брат настоящим другом должен быть,
Когда он хочет оставаться братом.

В любви и в равнодушии вольны
Мы перед совестью и небесами.
Все дело в том, что братья нам даны,
Друзей себе мы выбираем сами.

В КИОСКАХ ПРОДАЮТ КАЛЕНДАРИ

Еще сентябрь,
Еще в лучах зари
Прозрачные сады листву купают, —
В киосках продают календари,
И, как ни странно, люди покупают.
О, как они уверены, что год
К ним явится из сказочного края
И календарный листик оторвет,
Прошедшие минуты отсекая.
Об этом я не думал в двадцать три
И в тридцать лет,
А вот сейчас заметил:
В киосках продают календари,
И так давно заведено на свете.
А наше солнце, юное всегда,
Еще хранит все ароматы лета,
И не считает молодость года,
И незаметно старится планета.
Но как-то грустно, что ни говори:
В киосках продают календари.

* * *

С. Финогеновой

Не часты наши дружеские встречи,
Меж нами и дела и города,
Друг другу «добрый день» и «добрый вечер»
Не говорим годами иногда.

А встретимся — и сразу все заметим:
И ранний снег и веточки у глаз,
Но в этот миг на целом белом свете
Нет никого — клянусь! — моложе нас.

Нам ночь не спать,
Нам снова по шестнадцать,
И нет усталости, и нет забот,
И сын твой Генька может удивляться,
Что дядя маму Сонькою зовет.

В любви прощают,
В дружбе не прощают
Ни лести, ни малейших перемен,
Друзья нам юность нашу возвращают
И ничего не требуют взамен.

ПОЭЗИЯ

Не пост, не чин и не профессия, —
Она превыше всяких благ,
И потому она — Поэзия,
Все лучшее зовется так.
И что ей милости и почести
И жалкий лепет похвалы!
Она не терпит одиночества
И не выносит кабалы.
Не божество и не реликвия —
Она, как долг, зовущий в бой,
Как бескорыстие великое,
Как вечный спор с самим собой.

Лжецам и трусам негодная,
Всем честным людям верный друг.
И потому она — народная,
Святое дело наших рук.
Как воздух и как хлеб полезная,
Туда, где душно и темно,
Приходит запросто Поэзия
И открывает в мир окно.

* * *

Уже пора писать мне о любви:
Я знал ее девчонкой сероглазой,
И девушкой, вошедшей в душу сразу,
И женщиной, с кем дни делю свои.
Девчонку не сумел я отстоять,
И девушка не стала мне родною,
А женщину, которая со мною,
В конце концов боюсь я потерять.
И пусть простят мне женщины мои —
И та, что тут сейчас со мной смеется, —
Но жизнь моя на всех парах несется,
Как продолжение одной любви.
Пусть боль и грусть врывались в жизнь мою
И разрывали жизнь мою на части,
Я без любви не представляю счастья,
Я счастья без любви не признаю.
Пусть кто-то встретит доводы мои
Улыбкой кислой или миной постной...
Уже не рано и еще не поздно —
Пора, пора писать мне о любви.

ТЕБЕ

Не дорожное происшествие,
Не случайный в пути разговор...
Наше свадебное путешествие
Продолжается до сих пор.

Если б жил я на Южном полюсе,
Ты — на Северном — все равно
Мы бы встретились в рыбинском поезде
И в одно загляделись окно.

Я, влюбленный в огни причальные,
В черноморские города,
Полюбил перроны печальные
И веселые поезда.

С той поры в любом направлении
Поезд рыбинский нас везет.
Что нам станция назначения,
Лишь бы только вперед, вперед!

Вот и нынче лучом таранящим,
Сквозь осеннюю темноту
Рвется поезд к друзьям-товарищам
Из Ташкента в Алма-Ату.

Поезда, из разлук пришедшие,
Снова мчатся во весь опор.
Наше свадебное путешествие
Продолжается до сих пор.

Гора заходит за́ гору —
И пик подобен сахару.
Земля со всех высот
Вприкуску солнце пьет,
Так пьет, что горы ахают
И прошибает пот...
И ветер созидания
Летит сквозь пыль и зной
До точки замерзания,
До жизни неземной,
И грани мироздания,
Меняя очертания,
Сверкают новизной.
И зори опускаются
За горную черту,
И реки с круч срываются,
Вниз головой бросаются,
Седея на лету.
И люди отзываются
На эту красоту.

ОСЛИК

По каменной просеке
На землю Бухары
Седой узбек на ослике
Спускается с горы.
Старинным едет городом
Колхозный бригадир.

В седле сидит он молодо
И важно, как эмир.
Осанка прямо царская,
Невозмутимый вид.
Из шелка из гиссарского
Халат на нем горит.
А ослик понимающе
Глядит на мир с тоской.
Он хочет быть товарищем,
Не хочет быть слугой.
Он на тебя работает,
Всесильный человек,
Твоей живет заботою
Уже который век!
Бывает, заупрямится —
И с места ни на шаг.
Влюблен ли он без памяти,
Грустит ли просто так?
Чтоб не прослыть угодником,
Упрется в стенку лбом.
Он хочет быть работником,
Он хочет быть рабом.
Стоит душа упрямая,
Дрожит, кричит — беда!
Но люди то же самое —
Упрямы иногда.
От солнца ослик жмурится,
И, хоть устал в пути,
Умеет он на улице
Достоинство блюсти.
И в поле он старается
Весь день, как заводной,

И в горы пробирается
Тропинкой ледяной.
Где он порой окажется,
Там человек замрет,
Машина не отважится
И лошадь не пройдет.
Глядит в арыки улица,
По улице по той
Идет большая умница,
Работник золотой!

НА РЫНКЕ

На рынке вроде как на ринге —
Здесь наступают на тебя
Бидоны, бочки, банки, кринки,
Корзинки,
В тыщу труб трубя.
Подстерегают слева, справа,
Идут упрямо за тобой
Арбузы пестрою оравой
И дыни желтою толпой.
И персики с улыбкой сладкой,
И с поволокой виноград,
Глядящий на тебя укладкой, —
Мол, я ни в чем не виноват.
На рынке, как на ринге,
Кроме
Того, что здесь без правил бьют
И запрещенные приемы

За правильные выдают.
В тебя направлены крутые
Антоновские кулаки,
И за тобой следят седые
Упрямолюбые бычки.
И брынза нагло и открыто
В тебя нацеливает взор,
И подступает пирамида
Из краснощеких помидор.
На рынке вроде как на ринге --
Здесь каждый листик неспроста,
С тобой в жестоком поединке
Вся вкуснота,
Вся красота.
Идут в атаку ароматы,
Дары земли,
Дары небес,
Неисчислимы армады
Идут поштучно и на вес.
И делается вдруг обидно,
Что люди здесь безбожно врут,
И ухмыляются бесстыдно,
И все на свете продают.

ПРОВОДЫ

Мелькает девичий платочек,
Прощай, родительский приют!..
«Последний нонешний денечек»
Уже сегодня не поют.

Гармошка пьяная не плачет,
Спит колокольчик под дугой.
Другая Армия — а значит,
И паренек совсем другой.

Перрон в осенней позолоте,
Цветы — в руках,
Цветы — вокруг.
Пришел товарищ по работе,
Пришел твой самый первый друг.

Ты здесь в кругу напутствий, шуток,
А сердце где-то впереди.
Отец, не спавший двое суток,
Кричит:
— Счастливого пути!

Оркестр грохочет.
Кто-то пляшет.
Твоя любовь не прячет взгляд.

И только мать в сторонке плачет,
Как триста лет тому назад.

ПТИЦЫ МЕНЯ РАЗБУДИЛИ

Птицы меня разбудили,
Сказали: пора вставать.
Они со мной поступили,
Как поступала мать.
Сначала будить не хотели,

Они пожалели меня
И от окна полетели,
Сквозь сон осторожно звеня.
Они покружились над вишней,
Вернулись опять к окну,
Перекликались неслышно,
На крыльях несли тишину.
Потом тишина раскололась,
И добрые вестники дня
Запели во весь голос...
Матери нет у меня.

АХ, ЭТИ РИФМЫ, ЭТИ РИФМЫ!

Ах, эти рифмы, эти рифмы!
Они в преддверии строки
То неожиданные рифы,
То путевые огоньки.
Когда насквозь, до основанья,
Пронзит волну небесный свет,
Клянусь: до их существованья
Мне никакого дела нет.
Я просто их не замечаю,
Хотя за них, само собой,
Я, безусловно, отвечаю
Не только сердцем — головой!
Они всегда в пути к поэту
И за волною шлют волну.
Когда в них надобности нету,
Они уходят в глубину.
Беда, когда они мешают,

Задерживают, тормозят,
Нежданных радостей лишают
И тянут медленно назад.
Не бубенцы, не побрякушки
На остром кончике строки,
Не завитушки, не игрушки,
Не ловкость опытной руки!
Нет, рифмы — звездный свет в тумане,
Сияющий сквозь синь и сон.
Нет, рифмы — это в океане
И плеск, и блеск, и звон, и стон.
Они свой жребий понимают,
И возникают тут и там,
И незаметно помогают
Плыть к неприступным берегам.

КНИГИ МАРКА ЛИСЯНСКОГО

(Библиографическая справка)

- Берег. Ярославское областное издательство, 1940.
Моя земля. Ярославское областное издательство, 1942.
Фронтная весна. Калининский фронт, издание политотдела
Н-ской части, 1942.
От имени Черного моря. Ярославское областное изд-во, 1947.
Золотая моя Москва. М., изд-во «Советский писатель», 1951.
Всегда с нами. М., изд-во «Советский писатель», 1955.
Стихи и песни. Ярославское областное издательство, 1955.
Друзьям и товарищам. М., изд-во «Советский писатель», 1958.
За весной — весна. М., изд-во «Советский писатель», 1959.
История маленького почтальона. М., изд-во «Детский мир», 1960.
Песни на стихи Марка Лисянского. М., изд-во «Советский компо-
зитор», 1962.
Здравствуй! М., изд-во «Советский писатель», 1962.
Почта полевая. М., Воениздат, 1963.
Стихи о Ленине. М., изд-во «Малыш», 1965.
Дивный город. М., изд-во «Советский писатель», 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Родина	5
Молодость	7
«Меня на войне не убили...»	8
Август	10
Отец	11
Слава	13
Саша Кузнецов	14
Наша юность	16
«Солнце красит за крышею крышу...»	16
Настроение	17
«Друг нам дороже брата иногда...»	18
В киосках продают календари	19
«Не часты наши дружеские встречи...»	19
Поэзия	20
«Уже пора писать мне о любви...»	21
Тебе	22
«Гора заходит за гору...»	23
Ослик	23
На рынке	25
Проводы	26
Птицы меня разбудили	27
Ах, эти рифмы, эти рифмы!	28
Книги Марка Лисянского (библиографическая справка)	30

Лисянский Марк Самойлович

ИЗБГАННАЯ ЛИРИКА. М., «Молодая гвардия», 1966.

32 с. («Б-чка избранной лирики»)

P2

Редактор *Б. Лозовой*

Художник *А. Власова*

Худож. редактор *Н. Коробейников*

Техн. редактор *М. Шленская*

A15073. Подп. к печ. 20/VII 1966 г.
Бум. 70×108¹/₃₂. Печ. л. 1,(1,4) Уч.-изд. л. 1,1.
Тираж 217 000 экз. Зак. 638. Цена 6 коп.
Т. П. 1966 г., № 355.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21,

6 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ